

Преступление в двух сериях

Автор:

[Марина Серова](#)

Преступление в двух сериях

Марина С. Серова

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Преступление в двух сериях

Глава 1

Я сидела в своей уютной кухне, лениво курила первую с утра сигарету, пила крепкий кофе и в тоске маялась бездельем. Неужели и сегодняшний день будет похож на предыдущие, окажется таким же серым, как погода за окном? Никто не радовал меня посещением или хотя бы телефонным звонком, что для лучшего тарасовского детектива Тани Ивановой – совершенно удивительное явление. Можно подумать, преступники, испугавшись моей зловещей тени, сбросили с плеч своих тяжкий груз грехов.

Дела давно не было. Да, на меня свалилась целая неделя полного и абсолютного бездействия, не озаренная даже игрой в любовь. И единственное, что я могла сказать в это туманное осеннее утро понедельника, – скучно жить, господа! Жизнь на удивление банальна.

За окнами плыли серовато-тусклые октябрьские облака, по форме напоминавшие приклады автоматов, охотничьи ножи и прочее. Вшивый о бане...

В том смысле, что оружие для меня – тема близкая и нередко жизненно необходимая.

Я закурила еще одну сигарету и... полюбовалась своей стройной ногой, бесстыдно возлежавшей на поверхности стола. В рассеянном осеннем свете, падавшем из окна, слабо мерцали свеженаманикюренные нежно-розовые ноготки.

Вот такими глупостями приходится заниматься, когда больше нечего делать. За эту странную неделю я даже пару раз подумывала, не совершить ли убийство самой, а потом самой же его расследовать. Но не прельщала меня развязка – ведь, исходя из моей репутации, расследование должно успешно завершиться, преступник должен быть разоблачен, изобличен... ну и так далее. А сажать саму себя за решетку... как-то не с руки, знаете ли.

И вдруг... Я вскочила, опрокинув стул и заодно чашку с остатками кофе. И замерла, впери́в взор в пространство. Вот оно, свершилось!

В моей квартире впервые за долгую, на целый век растянувшуюся неделю молчания прозвучал дверной звонок – нежная мелодия одной из композиций Джо Дассена. Звонок новый, между прочим, я к нему еще не привыкла. Как раз в начале этой скучной недели его поставила, выбрав именно такую изысканную мелодию, потому что надоели жуткие вопли, издаваемые прежним.

Огласив квартиру, а может быть, и весь подъезд – при желании могу и рявкнуть – диким воплем: «Минуту», я ринулась приводить себя в порядок. Не в халате же встречать визитера и, надеюсь, нового клиента. На то, чтобы натянуть подобающий случаю костюм, я потратила около минуты. И отправилась открывать.

За дверью стоял мужчина лет сорока с небольшим. На его круглом розовощеком, с чисто славянским носом-картошкой лице витало озабоченное выражение. Тронутые сединой темные волосы откровенно вихрились, придавая его внешности, несмотря на серьезную мину, сковавшую физиономию посетителя, нечто театрально-мальчишеское.

Я молча рассматривала стоявшего на пороге мужчину, а он внимательно разглядывал меня. Наконец соизволил произнести:

– Могу я поговорить с Татьяной Александровной Ивановой?

– Уже говорите, – пожала я плечами, постаравшись сдержать улыбку.

Дело в том, что голос мужчины больше приличествовал бы парню лет двадцати пяти-семи, нежели, судя по возрасту, отцу семейства, отягощенному объемным пивным брюшком, на котором оттопыривались пуговицы дорогого кожаного плаща. Голос был насмешливо-чувственным, обволакивающим, низкого и приятного тембра.

Мужчина смотрел на меня с легким удивлением и при этом откровенно восхищался моим внешним видом. Лично я к подобной реакции представителей мужской части населения привычна. Длинноногие зеленоглазые блондинки с эффектной фигурой и симпатичным лицом пользуются успехом, что я давным-давно прочувствовала на собственном опыте и не раз пользовалась в работе. Очень удобно, между прочим.

Обратив внимание на деловую папку в пухлой, с перстнем на безымянном пальце руке, я спохватилась – визитер-то не на чай ко мне зашел, он ведь потенциальный клиент, а я держу его на пороге и оценивающе разглядываю!

– Чем могу вам помочь? – с привычным профессионализмом в голосе осведомилась я, вскинув брови. И добавила, дабы избежать возможных недоразумений: – Татьяна Иванова – это я.

– Я бы хотел воспользоваться вашими детективными талантами, о которых распространялись мои знакомые, а также упомянул подполковник Кирьянов, – несколько витиевато изложил причину своего появления у меня на пороге мужчина, и я вновь ощутила глубокое обаяние, исходившее от его голоса. – Меня зовут Александр Николаевич Кармишин.

– Проходите, – предложила я и провела посетителя в комнату.

Слава богу, хоть потенциальный клиент появился. А там, глядишь, и действительно он клиентом станет. Я ведь не за все дела берусь. Но пока хоть послушаю, что у него за дело, – на безрыбье и рак рыба, а от ничегонеделания я уже утомилась.

Мельком взглянув на себя в зеркало, я пригладила волосы, нацепила на лицо холодновато-вежливую улыбку и прошла вслед за гостем.

Он опустился на диван, заняв сразу же ровно половину данного предмета мебелировки. Мне показалось, что даже ножки у дивана жалобно скрипнули, не только пружины.

– По какому поводу вы решили ко мне обратиться? – в тон Кармишину поинтересовалась я, утомленная длинной паузой.

– Меня подозревают в преступлении. – Широко усмехнувшись, Александр Николаевич сверкнул золотой коронкой. Вокруг его водянисто-серых глаз залегли тонкие морщинки. Но в зрачках затаилась тревога, из чего напрашивался вывод – мужик играет на публику. Мне эта черта импонировала – зачем загружать других своими переживаниями, если можно четко и всегда ясно ввести в суть проблемы?

– Вот как? – Я милостиво кивнула, предложив продолжать. – В каком преступлении вас подозревают и чего вы хотите от меня?

– Милиция уверена, что я украл документацию, и доказать обратное мне не удастся. – Ответ у Кармишина получился довольно туманным, прямо как погода за окном. А за ним сейчас царила осенне-тоскливая морось, наполненная прозрачно-дымными клочьями тумана, похожими на бездну вопросительных знаков. – И я надеюсь на вашу помощь.

– А подробнее можно? – усмехнулась я. – Я пока ничего не понимаю...

Александр Николаевич кивнул, сосредоточиваясь, и скрестил руки над животом, продемонстрировав всю прелесть бургерско-пивной жизни.

– Я заместитель директора фирмы «Луч». Мы занимаемся оптическим оборудованием. На прошлой неделе наше предприятие заключило выгодный контракт с одной фирмой – реализатором крупной партии. И по данному поводу в воскресенье Глеб Денисович... – Заметив мой непонимающий взгляд, поскольку названное имя-отчество мне ни о чем не говорило, Кармишин пояснил: – Это директор фирмы, Шолонский, – и продолжил: – Так вот он устроил у себя в

квартире вечеринку для приближенных, как говорится, к трону. Последствие этой вечеринки было обнаружено только сегодня утром – из сейфа Глеба пропала техническая документация, чрезвычайно важная для дальнейшего развития фирмы. Мы вызвали милицию, и те не нашли ничего лучше, чем заподозрить меня.

Завершив речь, Александр Николаевич выразительно развел руками.

А у меня уже назрело несколько вопросов, которыми я и стала бомбардировать Кармишина:

– Сейф находился в доме директора, там же, где проходила ваша вечеринка?

– Да, – остро блеснули глаза мужчины. – В кабинете. У Глеба такая привычка – опасаясь за сохранность документации на работе, особо важные бумаги он всегда уносит домой.

– Кто, помимо вас и директора, присутствовал?

– Татьяна Александровна, вы поможете мне? – Кармишин выдохнул свой вопрос так проникновенно, что мне захотелось закрыть глаза, не видеть его водянистых глаз, сверкавших на лице обрюзгшего сатира, и отдаться во власть обаятельного голоса. Но тут же я одернула себя – вот до чего вынужденное одиночество доводит! – моргнула, потом еще раз и язвительно улыбнулась.

– Давайте договоримся, Александр Николаевич: сначала вы отвечаете на мои вопросы, только потом – я на ваши.

Видимо, не привыкший к проявлению властности со стороны женщин и к тому, что его божественный голос не возымел нужного действия, Кармишин удивленно вскинул кустистые брови и задумался, почесывая щетинистый подбородок. Потом согласно кивнул, а я задала следующий вопрос.

– Так, кто еще был на том вечере? И вообще, расскажите обо всем подробно.

– Хорошо, постараюсь.

Кармишин приступил к рассказу, а я закурила, вслушиваясь в обдуманное и уверенно звучащее слово заместителя директора фирмы «Луч». Надо сказать, искусством речи он владел великолепно. Его виртуозные фразы, емкие и одновременно тонкие характеристики завораживали. Мне снова потребовалось сделать над собой усилие, чтобы вникать в смысл звучащих фраз, а не просто эстетически наслаждаться плавно текущей речью.

– Нас было восемь человек, включая хозяина квартиры и организатора банкета Шолонского, – докладывал Александр Николаевич, а я вооружилась блокнотом, так, на всякий случай. – Маргарита Антоновна Архипова, королева Марго, как мы ее называем. Очаровательная интеллектуалка, – хищно прищурился Кармишин, – директор фирмы, сотрудничающей с нашей и поставляющей нам оборудование для производства. Во всеобщем веселье участия она не принимала – весь вечер, подобно сфинксу, восседала в кресле с томиком Верлена, обнаруженным на книжной полке Глеба, и потягивала токай. Игорь Юрьевич Ручин, великолепный техник. Милый молодой человек, обаятельный и интересный в общении. Глеб пригласил его в надежде заполучить к нам на работу. Но, кажется, эта надежда не оправдалась. Михаил Яковлевич Гурьянов, наш главный бухгалтер. Оч-чень ценный кадр, только страшно занудный. Может быть, это черта всех бухгалтеров? Роман Александрович Харламов, менеджер по связям с общественностью. Этот, кажется, изголодался по спиртному, – насмешливо и веско произнес Кармишин. – Он очень мило покачивался над тарелкой с оливье, норовя погрузить в вожденный салат все лицо.

Я фыркнула.

– Людмила Маслова, – сдержанно улыбнувшись и поглядывая на мои коленки, продолжил Александр Николаевич. – Очаровательная и вызывающая дамочка. Она не имеет отношения к нашей фирме и была приглашена, потому как помогла заключить очень выгодный контракт на продажу оборудования. Она – птица вольная, срывает банк то тут, то там. Обширные знакомства позволяют ей бродить по фирмам и знакомым боссам, сбывая товары, предложенные другими боссами, и получать процент от таких сделок. Николай Рундученко, наш техник. Коля – хороший парень. Ну и еще я да Глеб Шолонский, которого обокрали.

– У кого из присутствующих был повод похитить документы?

– Не совсем документы – украли чертежи нового, недавно разработанного оптического прибора. Великолепная вещь, надо вам сказать. Бинокль,

снабженный прибором ночного видения, подсветкой и...

– Обойдемся без подробностей, – прервала было я Кармишина – ни черта не смыслю в оптике, а тратить свое время на выслушивание пустых звуков не люблю. Но выслушать все же пришлось – должна же я знать, что искать? И битых полчаса Кармишин расписывал особенности своих драгоценных бумаг. Не могу сказать, что поняла все, но общее представление о документах получила. Александр же Николаевич увлеченно разглагольствовал, периодически вскидывая на меня свои блестящие глаза. Наконец словесный поток иссяк, и я спросила:

– Чертежи были в единственном экземпляре?

– Ну конечно, да. В общем-то Ручин мог бы заинтересоваться этими чертежами и похитить их. Он же техник.

– А Рундученко? – заглянув в блокнот, спросила я. – Он тоже техник, если я правильно вас поняла. Почему вы прежде всего подумали именно о Ручине?

– Коля?.. Рундученко работает с нами. Он и так получит доступ к чертежам.

– А если бы он решил продать их в конкурирующую фирму?

– Нет, – безапелляционно мотнул головой Кармишин. – Рундученко предан Шолонскому и нашей фирме. Ему эта работа досталась в достаточно сложный период жизни, и зарплата Николая вполне устраивает – позволяет прокормить жену и троих детей. Мне кажется, он не стал бы рисковать постоянной работой ради разового гонорара. А Ручин – другое дело. У них с Шолонским произошел спор – Глеб пытался заманить Ручина к нам на работу, но тот довольно грубо заявил, что его не устраивает предложенная зарплата. И что вообще он предпочитает быть «вольным каменщиком». Достаточно жесткая состоялась беседа, но длилась она недолго. К тому же Шолонский упомянул о каком-то долге, вроде бы Ручин занимал у него деньги.

– Хорошо. – Поставив галочку напротив фамилии Ручина, я жестом предложила Кармишину продолжить.

– Маслова. Эта девица невесть откуда. Ей бы это было выгодно – ведь у дамочки множество связей в бизнес-кругах, да и деятельность ее достаточно деликатна. Получив чертежи из ее рук, вряд ли кто-то стал бы докапываться до того, откуда она их взяла. А разработки – практически новое слово в технике, и за них она получила бы довольно приличную сумму денег. К тому же Глеб проявил недалёковидность – счел, что ее последняя услуга не столь важна, и Людмила получила несколько меньший, чем, очевидно, рассчитывала, гонорар. Во всяком случае, я заметил, что она осталась не слишком довольна.

– Следующий, – пожала я плечами.

– Гурьянов... – с легким сомнением предположил Александр Николаевич. Лицо его демонстрировало напряженную работу мысли, глаза даже едва заметно замутились. – Михаил тоже был должен Глебу, причем большие деньги. Занимал довольно давно, и несколько раз Шолонский просил вернуть ему деньги. Ведь финансы требуются на дальнейшее развитие деятельности нашей фирмы. Но Гурьянов жаловался, что пока не может возратить долг. И нервничал.

– Кто-то еще? – полюбопытствовала я. – Например, Харламов. Как вы считаете...

– Да он же лыка не вязал, о каких документах может идти речь! – расхохотался Кармишин. – И ни разу из комнаты не вышел, что уж о походе в кабинет говорить...

– А Архипова? Ваша королева Марго?

– Она весь вечер сидела с книжкой, никуда не отлучалась. А еще подозреваемый – я, – лихо добавил Александр Николаевич.

– Почему милиция подозревает именно вас? Ведь немало других людей, которым было выгодно украсть документы? – недоумевала я.

– Все дело в сейфе, – серьезно пояснил Кармишин. – Менты по-бульдожьки вцепились в этот злосчастный сейф. Я нахожусь в дружеских отношениях с Глебом, а значит, бываю у него дома. Мог, значит, узнать шифр.

– А мотив?

– Спросите у них, – хмыкнул Кармишин. – Но я не брал этих несчастных документов! И шифром даже не интересовался, если честно. К чему? Если бы приспичило, я вполне мог просмотреть чертежи и на работе. Даже мог отксерокопировать их при необходимости. Зачем же похищать?

– Неужели нельзя каким-то способом воссоздать чертежи? По черновикам, например...

– А черновиков не существует. Над сохранившейся же обрывочной информацией нужно очень долго работать, чтобы довести ее до ума заново. А у нас – контракт! – Указательный палец Кармишина устремился к потолку, словно желая пронзить его и очутиться в безбрежно-тусклых небесах. – Нам сделали заказ на эту продукцию, и если мы не успеем в срок – заплатим огромную неустойку. Да и репутация нашей фирмы полетит к... А, да что толку говорить? Главное, что нам нужны эти чертежи. Очень нужны!

– Так вы обратились ко мне из-за чертежей или чтобы снять с себя подозрения? – не поняла я. – И почему именно вы?

– Шолонский вызвал милицию, надеется на их помощь. Я решил воспользоваться вашими услугами. Очень надеюсь, что вы найдете и преступника, чем освободите от подозрения меня, и чертежи.

– Хорошо, – кивнула я, когда Кармишин умолк. – А теперь вспомните, пожалуйста, что происходило во время банкета. Подробно – кто и что делал. Точнее, кто из подозреваемых и куда выходил.

– Я постараюсь, – закуривая и выразительно выпуская дым из мясистых, тронутых красноватыми прожилками ноздрей, согласился Александр Николаевич.

Я внимательно слушала его, одновременно пытаюсь переварить информацию. Дело, конечно, сложное, но далеко не безнадежное, как мне казалось. Впрочем, задумываться об этом рановато – я еще пока не согласилась взяться за расследование.

Документы выкрали из сейфа Шолонского вечером, во время банкета. То есть с восьми вечера до часа ночи приблизительно. Пропажа была обнаружена только

утром, когда директор фирмы «Луч», Глеб Денисович Шолонский, собирался на работу и хотел взять с собой бумаги из сейфа. Он несколько запаниковал и тут же вызвал милицию.

В течение вечеринки комнату периодически покидали все трое подозреваемых – по естественным надобностям, разумеется. И отсутствовали они довольно длительные промежутки времени, за которые вполне можно было успеть дойти до кабинета, который на ключ не запирался, и, зная шифр, вскрыть сейф. Чертежи выполнены на тонкой бумаге, поэтому свернуть их и спрятать, скажем, в кармане пиджака или под нижним бельем дамы труда бы не составило. Вот такая история...

Кармишин по собственной инициативе подробно объяснил мне, как выглядели чертежи, что в них особенного, а также продемонстрировал образчики почерков всех действующих лиц происшествия. Помимо этого, он рассказал, как можно узнать чертежи в перерисованном варианте – ведь оригиналы грабитель вряд ли рискнет хранить у себя.

Слушая все пояснения, предположения и предложения Александра Николаевича, я подумала, что он – человек весьма сообразительный и при желании мог бы докопаться до сути случившегося сам. Но оповещать его об этом не стала. Зачем? Во все не в моих интересах увеличивать количество частных детективов в Тарасове. Конечно, в нашем городе есть немало представителей моей профессии, но всем известно, что Татьяна Иванова – лучший детектив города, и с этим званием я не собираюсь расставаться в ближайшем будущем.

– А что было после вечеринки? Кто куда направился? Все ушли одновременно? – На умолкшего было Кармишина с моей стороны посыпался целый шквал вопросов.

В итоге после его ответов мне стали известны и другие подробности злополучной вечеринки. Например, еще и то, что гости ушли одновременно, как-то сразу засобиравшись. А так как были изрядно пьяны да и время перевалило за полночь, то вызвали такси. Я записала телефон таксопарка, который мне так же услужливо продиктовал Александр Николаевич. По каким адресам все разъехались – он не знает. Сам Кармишин живет неподалеку от шефа, и, решив прогуляться, он отправился домой пешком. Остальные гости, провожаемые радушным хозяином квартиры, еще ожидали на улице вызванные машины. Вели

себя они довольно шумно – их голоса доносились до ушедшего Александра Николаевича даже в квартале от дома Шолонского.

– Кто из подозреваемых и каким образом мог узнать шифр сейфа? – назрел у меня еще один вопрос.

Кармишин пожал плечами, пошевелил пальцами, сверкнув золотой печаткой с мордой какого-то странного животного, отдаленно напоминавшей его собственное лицо. Свой портрет он в золоте, что ли, заказывал? И наконец ответил:

– Люда, как я говорил, – девушка пробивная. Она и до того вечера бывала у Шолонского. Думаю, могла при желании узнать даже цвет его нижнего белья, не говоря уж о шифре сейфа, – со странным выражением лица мурлыкнул Александр Николаевич. – Ручин тоже наносил визиты Шолонскому – у них же были дела, связанные с денежными обязательствами. И Гурьянов, ну, наш Миша, пару раз работал на компьютере шефа по окончании трудового дня. Так что, сами понимаете... – Кармишин многозначительно замолк и выразительно почесал кончик носа, с готовностью запунцовевший под его пальцами.

Мы оба помолчали, думая каждый о своем и выдыхая клубы прозрачно-синего дыма, наполнявшего комнату ароматами табака. Наконец Александр Николаевич решительным голосом разорвал пелену мирной тишины:

– Так что, вы возьметесь за это дело?

Я, пока не отвечая, спокойно поднялась, прошла к сумке, валявшейся в кресле. Там, куда я бросила ее неделю назад, завершив предыдущее дело. Потом выудила из недр объемистой сумки заветный замшевый мешочек с моими верными помощниками – двенадцатигранными гадальными «костями».

Да, я – человек, обладающий глубоко логичной профессией, – советуюсь с высшими силами. С судьбой, так сказать. Додекаэдры очень часто помогают мне в расследованиях. И честно отвечают на любой заданный им вопрос. Правда, далеко не однозначно. Но уж здесь, как говорится, есть голова на плечах – думай, она не для прически существует. А магические «косточки» – вещь полезная. Человек, любой, даже самый лучший, может предать. Случайно ли, обдуманно – неважно. Двенадцатигранники не предадут никогда – сложность в

общении с ними состоит лишь в том, чтобы правильно расшифровать послание судьбы. А это иногда бывает действительно очень и очень непросто, могу вам сказать.

Перемешав в ладонях три гладких многогранника, согревая теплом своих ладоней, я сконцентрировалась: «Братся ли за это дело – вот в чем вопрос?» Почти по Шекспиру. И, провожаемая изумленным взглядом прозрачно-блеклых глаз Кармишина – вполне возможно, будущего моего клиента, это уж как додекаэдры скажут, – швырнула «косточки» на полированную поверхность стола.

4+18+27. «И все-таки: все тайное рано или поздно становится явным». Это сочетание цифр, как и большую часть остальных, я помнила наизусть, так что пользоваться потрепанным талмудом с расшифровками, занимавшим почетное место на книжной полке, мне сейчас не пришлось. Кажется, ответ судьбы, принявшей вид «костей», прост: в конце концов я докопаюсь до сути этого дела и обнаружу документы. Что может быть оригинальнее? Я хмыкнула – касательно расследования у меня бывает только так: если уж я за него взялась, то обычно с честью выхожу из любого положения.

Что ж, достаточно убедительное доказательство в пользу нового дела. Все тайное станет явным. Вроде бы так.

– Позвольте поинтересоваться, что вы делаете? – вырвал меня из задумчивости вопрос ошалелого, судя по виду, Кармишина. Его челюсть еле заметно отпала, и только привычка держать себя в руках, приобретенная на руководящей должности, не позволила ему потерять лицо окончательно.

– Я согласна заниматься вашим делом, – пропустив мимо ушей этот вопрос клиента, одним махом переведя кандидата в клиенты в истинные, полноправные заказчики, ответила я. И поспешила умерить счастливое облегчение на его лице сообщением: – Я беру по двести баксов за день работы. И компенсацию расходов, если таковые будут. Вас это устроит?

– Меня это вполне устраивает. Только не могли бы вы действовать побыстрее? Что-то не очень я надеюсь на нашу милицию, – выкладывая на стол несколько купюр из объемного, блестяще-кожаного бумажника в качестве аванса, ответил Кармишин. Облегчение на его лице сменилось некоторой задумчивостью,

выдававшей возникшие сомнения: а не зря ли он вообще сюда пришел? Но желание избавиться от претензий милиции да и репутация моя сделали свое дело – клиент успокоился.

– Еще один вопрос, – улыбнулась я. – Когда вашего бухгалтера можно застать дома? Не думаю, что вы знаете распорядок дня остальных гостей вечеринки, но относительно Гурьянова...

– Он живет неподалеку от офиса и ходит домой на обед, – с готовностью сообщил Александр Николаевич и тут же добавил: – А теперь он разобрался с нашей отчетностью и взял несколько отгулов – так что дома должен быть постоянно.

Проводив Кармишина до двери и бросив в сумку его визитку с домашним и рабочим телефонами, я села в кресло, вооружившись кофе и сигаретой. Мне следовало поразмыслить, с кого начать.

Да с милиции, вот с кого! В конце концов, этим делом, если я правильно поняла Кармишина, занимается Киря. И у него, вероятно, есть как бланки допросов, так и адреса подозреваемых, мне не придется тратить на поиски того и другого время.

Я решительно набрала номер Владимира Сергеевича Кирьянова, подполковника милиции и моего старого, в том смысле что проверенного опытом многих сражений с преступным миром, друга. Мы с Кирей помогаем друг другу по мере сил и возможностей: он мне – информацией, я ему – поставкой звездочек на погоны и благодарностей от начальства за раскрытое с моей помощью дело.

– Слушаю, – раздался до боли знакомый голос Кирьянова.

– Привет родной милиции, – рывкнула я в трубку, стряхивая с сигареты пепел. Дым клубился вокруг меня, придавая обстановке в прихожей нечто таинственное.

– Танюха? – восторженно возопил Киря. – Ты где пропадала? Опять что-то понадобилось? – В звучании последнего вопроса восторженности поубавилось.

– Ты в этом сомневался? – Я загадочно усмехнулась, хотя этого Киря видеть не мог. – Как продвигается расследование ограбления Шолонского?

– Директора «Луча»? Откуда знаешь об этом?

– Конфиденциальная информация, – пошутила я. – Так как?

– Никак. Никто ничего не видел, не знает, документов в руках не держал, к сейфу и близко не подходил.

За следующие несколько минут я выслушала все уже ранее изложенное Кармишиным. Да, ничем особо новым Владимир меня не порадовал.

– В кабинете, естественно, никаких следов – преступники, начитавшись детективов, слишком хорошо соображать стали.

– Владимир Сергеевич, не могли бы вы продиктовать мне адреса всех подозреваемых? – попросила я почти подобострастно.

И пополнила блокнот записями. Киря, хихикнув на мой тон, аккуратно продиктовал необходимые сведения. Конечно, я вполне могла бы и запомнить их. Но тут подумала, что память мне еще пригодится и нечего зря засорять голову.

– Ну что еще? – нетерпеливо спросил Киря. – Татьяна, колись сразу.

– Хотелось бы самой осмотреть кабинет в доме Шолонского...

Кирьянов вздохнул и все же согласился предоставить мне такую возможность. Как будто от его согласия что-то зависело! Если бы не он, я бы и так проникла в кабинет директора фирмы. Только на кой черт мне это надо? Пока не знаю. Наверное, надеялась увидеть что-нибудь такое, чего не заметили сотрудники следственного отдела.

Стремительно собравшись, я оседлала своего верного железного коня – бежевую «девятку» – и отправилась к дому Шолонского. Уважаемый директор фирмы «Луч» обитал в шикарном здании в центре города, на улице Космонавтов, одной из центральных. На двери многоэтажного кирпичного красавца виднелись кодовые замки, с косяка опасно поблескивал «глазок» видеокамеры. Хорошо живут люди! Впрочем, мне жаловаться тоже не на что.

У двери, прислонившись к изящной красно-белой кирпичной кладке, стоял незнакомый мне молодой человек в милицейской форме. Грациозно выйдя из машины, я подошла к нему. Парень пристально окинул меня взглядом, словно подготавливая портрет для стенда «Их разыскивает милиция», и спросил мрачно:

– Вы Иванова?

– Да, Татьяна Александровна, – мягко ответила я. – А вы кто?

– Меня прислал подполковник Кирьянов. Идемте...

И мы вошли в мерцающий мраморный холл, испещренные прожилками стены которого казались невесомо – нежными. Поднявшись в роскошном зеркальном лиф-те на восьмой этаж, мы подошли к одной из квартир, и Кирил подчиненный потянулся к звонку, несуразно маленькому при соседстве с мощной рукой. Я коснулась плеча своего каменно-невозмутимого спутника и тихо сказала:

– Не уточняйте при хозяевах, кто я, ладно? Пока не стоит. Скажите, что я – один из ваших сотрудников.

Умница Кирил великолепно вымуштровал своих ребят. Парень кивнул и с силой вдавил кнопку звонка в стену.

Дверь нам открыл высокий, невероятно изящный черноволосый мужчина с огромными светло-кариими глазами газели, по какой-то странной игре природы властно мерцавшими.

– Вы снова хотите осмотреть кабинет? – тихо, так, что его голос едва было слышен, спросил он. И, дождавшись кивка сопровождавшего меня мента, предложил: – Проходите, не разувайтесь.

Интересно, когда-нибудь кто-нибудь видел разувающихся в квартирах ограбленных людей ментов? Я лично не удостоилась такого счастья.

– Глеб Денисович, если вы не против, я бы хотела поговорить с вами после осмотра кабинета, – мило улыбнувшись, посмотрела я на мужчину. Он суховато кивнул, соглашаясь.

Мы прошли в кабинет, и пока парень по-прежнему мрачно стоял у двери, то глядя в потолок, то, с долей здорового скепсиса, на меня, я обшаривала все, что только можно. Забиралась под шкафы, вдоль и поперек осмотрела сейф, подлезла под письменный стол. Потом перешла к верхам, не оставляя ничего вне своего внимания.

Пыльные рамы картин – довольно хорошо сработанных пейзажей. На одной из рам, висевшей напротив сейфа, обнаружила след – словно кто-то провел по ней пальцем. А еще сверху след был присыпан очень ровным тончайшим слоем серого порошка. Родная милиция надеется, что это отпечаток пальца. Ну что ж, хорошо бы, конечно. Только связи с ограблением сейфа не вижу. Может быть, Шолонский проверял наличие пыли на любимых шедеврах?

Не удовлетворенная импровизированным обыском, но неспособная предпринять что-либо еще, я вышла из кабинета и подошла к Шолонскому.

– Идемте в гостиную, – устало предложил Глеб Денисович и добавил холодно: – Только, мне кажется, ничего нового я не смогу сообщить. Все, что мог, уже рассказал.

– Нам виднее, не правда ли? – мягко парировала я, не собираясь нервировать этого явно издергавшегося с момента исчезновения важных бумаг человека еще больше. Опустилась на диван и спросила: – Глеб Денисович, сами-то вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет, – покачал он головой. – Я уже говорил... Не могу понять, кому понадобились чертежи. Все могли увидеть их на работе – не сказал бы, что это

секретная продукция. И пожалуй, их проще было скопировать в офисе же, чем прибегать к противозаконным действиям.

– Но все же, кто мог знать код вашего сейфа? – снова попыталась я вызвать Шолонского на откровенность.

Он только пожал плечами, устремив на меня печальный газелий взор, и ответил утомленно:

– И этот вопрос мне тоже задавали. Девушка, милая, я не знаю. Наверное, никто. Или все. Ох, я сам не понимаю. Вообще-то код моего сейфа мог увидеть Александр Николаевич Кармишин, мой заместитель. Но ему воровать чертежи совершенно не за чем.

В итоге этой недолгой беседы я не добилась ровным счетом ничего. Шолонский не желал никого подозревать. Он не знал, кто увел чертежи, и надеялся лишь на силы бравой милиции. Трений у него ни с кем не возникало. Людмила обиделась на то, что он ей мало заплатил, но больше по привычке – дамочка слишком высоко себя ставит. На самом деле, по мнению Шолонского, информация стоила даже меньше, чем он дал. С Гурьяновым, бухгалтером, у Глеба Денисовича отношения совершенно нормальные, и он не требовал возврата долга, что называется, с ножом у горла. По поводу Ручина Шолонский признался, что давно желает заполучить его в свою фирму, но Игорь Юрьевич привык работать независимо, поэтому отказывается.

После чего я вежливо попрощалась с хозяином и вышла из квартиры. Шолонский меня искренне восхитил – только директор процветающей фирмы мог держаться с такой доброжелательной надменностью! Глеб Денисович кивнул, подчиняясь нормам этикета, но вряд ли вообще разглядел меня. Что очень странно. Пожалуй, я бы даже сказала, что во время нашего с ним общения он смотрел куда-то в невидимую даль, сквозь меня.

Тем не менее заикливаться на мужской невнимательности к моей очаровательной персоне я не стала. У меня есть дело, разрешения которого ожидает заместитель этой живой статуи с глазами газели. И господин Кармишин платит мне за работу немалые для среднего гражданина Тарасова деньги. Хотя нельзя не признать, господин Шолонский произвел на меня впечатление – этакий изысканно-богемный мужчина, невероятно как попавший в

наш суетливый век из периода декаданса.

Что ж, что у нас теперь по плану? Усаживаясь в машину, я размышляла, к кому направиться сначала? У меня под подозрением три человека. Конечно, я могу пообщаться с таксистами, но для этого должна знать своих подозреваемых в лицо. А значит, начинать с кого-то надо.

И я решила отправиться к Ручину. Этот тип задолжал Шолонскому, а также поцапался с ним на вечеринке. О чем-то это говорит, разве не так? Людмила... Эта кандидатура окутана загадкой. Была ли ей выгода похищать документы? Гурьянов тоже тип сомнительный – главный бухгалтер достаточно престижной фирмы. Неужели он стал бы рисковать работой и репутацией? Так что Игорь Юрьевич Ручин, вольного полета птица, – наиболее подходящая личность.

И я отправилась к Ручину, который обитал в высотном доме на Московской, в надежде, что Игорь Юрьевич окажется дома. Раз он не состоит нигде на службе, просто должен сидеть в квартире, предполагала я.

До нужного места доехала достаточно быстро – транспорта на дорогах было не слишком много. В подъезде оказалось, что лифт не работает. Он никак не откликался на мой зов, сколько я ни давила на оплавленную кнопку. Что ж, воспользуюсь лестницей, подняться на девятый этаж, где обитал Ручин, для меня лишь легкая разминочка. Но так я полагала, минуя лишь первый лестничный пролет. И ошиблась.

Я витиевато выругалась, едва не сломав каблук, попав ногой в выбоину на ступеньке. Как уважающий себя техник, отказавшийся от выгодного, я полагаю, предложения Шолонского, может жить здесь, в такой обшарпанной многоэтажке? Тяжелый подъездный запах, исчерканные стены, обожженные и оставляющие на ладонях след сажи и горький аромат горелой древесины перила, даже сомнительного происхождения лужа у одной из дверей – все это мелочи. Но ступени! Они созданы для самоубийц. С такой лестницы хорошо лететь, тая надежду сломать шею – она обязательно оправдается. Выщербленные, стертые тысячами ног ступени были еще и скользкими, словно кто-то натер их маслом с дальним умыслом – избавиться от гостей.

Впрочем, дверь Игоря Юрьевича на редкость не соответствовала общему антуражу подъезда. Выложенная тончайшими, тщательно подобранными по

цвету – от темно-соломенного до почти белого – планками дерева, с имитацией черных ожогов, лакированная, она насмешливо мерцала дорогой, украшенной эмалью ручкой. Казалось, дверь с горечью разглядывает убогий подъезд и своих гораздо менее привлекательных товарок. «Глазок» в ее центре сверкал самоиронией. Но это все лирика, и я придавила кнопку звонка подушечкой пальца, ощутив свежую гладкость.

За дверью слышались шаги, и она неожиданно распахнулась, коротко лязгнув.

– Добрый день, чем могу помочь? – В интонациях вопроса мне почудилось нечто знакомое, и только через секунду я поняла – вежливая предупредительность, свойственная мне самой. Видимо, техник принимал заказы на дому и теперь видел в моем лице клиента.

В дверном проеме передо мной стоял высокий мужчина лет тридцати, с проникновенным взглядом кофейных глаз и приятной улыбкой на тонком, немного женственном лице. Слегка заросшие щетиной щеки, высокие скулы, спадавшие до плеч прямые черные волосы, матово-бледная кожа. В общем, Игорь Юрьевич был достаточно привлекательным мужчиной.

– Я бы хотела задать вам несколько вопросов относительно хищения документов из квартиры Шолонского, – поспешила развеять я надежды на гонорар, зародившиеся при моем появлении у Ручина, такой суховато – профессиональной фразой. За время работы в родной милиции я успела приучить свой речевой аппарат к таким формулировкам.

– Вы из милиции? – вскинул тонкие прямые брови мужчина и предложил мне войти в квартиру.

– Да, – покривила душой я. Конечно, можно было и частным детективом представиться, но сейчас мне почему-то захотелось примкнуть к уголовному розыску.

Войдя в прихожую, я расстегнула «молнии» ботинок и выскользнула из них, машинально, по привычке окинув взглядом дверь изнутри. На гладкой матово-серой ее поверхности – хищный оскал мощного замка, наводивший на приятные размышления вроде «мой дом – моя крепость». Но я, умудренная многолетним опытом проникновений туда, где меня не ждут, сразу определила – на этот

замок, если понадобится, уйдет от силы пять минут. Подобрать отмычку – и заходите, люди добрые.

– Простите, а как к вам обращаться? – с располагающей улыбкой спросил Ручин, принимая из моих рук куртку и осторожно вешая ее на олени рога, игравшие роль вешалки.

– Игорь Юрьевич, меня зовут Таня. – Чуть улыбнувшись, я последовала за хозяином и оказалась в элегантной комнате, отделанной в светло-серых и кофейно-коричневых тонах.

– Очень приятно. Просто Таня? – осведомился Ручин.

– Татьяна Александровна, – представилась я официально полным именем. Хотя, честно говоря, терпеть не могу, когда меня по имени-отчеству называют. Чувствую себя старушкой.

Я опустила в кресло и задумчиво взглянула на хозяина дома.

– Татьяна Александровна, вы же о Шолонском? Но меня уже допрашивали.

– Возникло еще несколько вопросов, – не растерялась я. – Надеюсь, вы согласитесь нам помочь?

– С удовольствием. Спрашивайте, – насмешливо сверкнули кофейные глаза.

Для начала я поспрашивала Ручина о вечеринке. Естественно, он не сообщил мне ничего нового. Я уже все слышала. О своем отношении к шефу фирмы «Луч» техник не распространялся.

– Вы занимали деньги у Шолонского, – с улыбкой выдала я, цепко глядя на Игоря. – А когда намерены отдать долг? Нам известно, что на этой почве между вами возникали разногласия.

– Долг? – сдержанно изумился Ручин. – Со дня на день на счет Шолонского будет перечислена необходимая сумма, – равнодушно пожал он плечами. И добавил своим хорошо поставленным голосом: – Татьяна Александровна, я не люблю

оставаться в долгу.

Что-то в этой его фразе повергло меня в легкий шок, но я понятия не имела – что. А Ручин, невозмутимо вперив в меня свои кофейные миндалевидные глаза, твердо сказал:

– Если вы проверите мой счет в Государственном банке, то сами сможете в этом убедиться. А задержал выплату долга я по единственной причине – один из моих заказчиков затягивал с оплатой. Но теперь все в порядке.

Голос Игоря Юрьевича звучал на редкость проникновенно, как будто он обращался к маленькому ребенку или убогому. Я еле заметно возмутилась.

– Вы считаете, что все в порядке? – со всем возможным ехидством переспросила я. – Но вы же были в квартире Шолонского, а у того пропали документы.

– Позвольте, Татьяна Александровна, но это решительно не мои проблемы. И я ничем не могу помочь Глебу Денисовичу, – снисходительно сказал Ручин. – Я не брал его документов или что там пропало... Мне это просто не нужно. Честно говоря, я достаточно квалифицированный специалист и мог бы сам составить все чертежи их новой разработки. Тут нет ничего сложного. – Он выразительно взглянул на часы, пробарабанив сложный ритм по подлокотнику кресла.

Я только улыбнулась – в самом деле, у меня не было причин не верить этому человеку. Но и верить – тоже.

В Ручине чувствовалось откровенное нетерпение. Видимо, он жаждал избавиться от моего общества и заняться своими непосредственными делами. Может быть, у него именно сейчас планировалась встреча с клиентом? И может быть, именно поэтому он открыл дверь на мой звонок столь беспечно?

Впрочем, я не обратила бы внимания на выразительное ерзанье и намеки на большую занятость Игоря Юрьевича, если бы хотела еще о чем-то расспросить его. Но вопросов более не возникало.

– Спасибо за то, что согласились со мной пообщаться, – поднимаясь из глубокого, на редкость удобного кресла и с ужасом предвкушая обратную

дорогу по страшной лестнице, улыбнулась я.

– Пожалуйста, мне доставила удовольствие наша беседа, – снисходительно откликнулся Ручин. – Вот если бы не повод...

– Да, повод и в самом деле не самый приятный в мире, – согласилась я, обуваясь.

– Надеюсь, мы еще увидимся... в другой обстановке, – вежливо сказал Ручин, не без интереса рассматривая мои ноги.

Я звонко рассмеялась и, попрощавшись с мужчиной, вышла в мрачно-затхлый подъезд, провожаемая его кофейным взглядом.

По лестнице я буквально скатилась, до боли вцепившись в изуродованные перила. Ноги чуть подрагивали от напряжения – удержаться, продвигаясь по этой безобразной лестнице, было не проще, чем элегантно спуститься с крутой обледеневшей горки в туфлях на шпильках.

Усевшись в машину, я вздохнула и отъехала в тень. Сейчас осмотреть квартиру Ручина удобного случая не представилось, и я решила дождаться момента, когда он покинет жилище, дабы «произвести досмотр личных вещей и места жительства подозреваемого в его отсутствие». Нет, я вовсе не надеялась обнаружить среди его вещей документы. Но, возможно, какой-либо намек, тонкую ниточку, подтвердившую бы причастность Ручина к краже чертежей.

В ближайшем киоске я купила бутылку воды и теперь осторожно попивала ледяную жидкость и курила. За окнами машины ветер нес пожухлые листья, безжалостно сдувая их с тонких беззащитных ветвей деревьев. Прохожие, щурясь и прикрывая лица руками, шли по своим делам, провожаемые шлейфами из опавшей листвы. В салоне машины же было тепло и уютно.

Я прождала не слишком долго – уже минут через двадцать Ручин вышел из дверей подъезда и проследовал к остановке общественного транспорта. В руках его не было ничего, похожего на папку. Дождавшись, когда Игорь Юрьевич сядет в автобус, с трепетом душевным я покинула салон машины, перебросив через плечо мою сумочку-выручалочку. Ведя расследование, я с ней стараюсь не расставаться – она до отказа наполнена нужными вещами. Например, «жучками» и отмычками.

Во второй раз подняться по безумной, похожей на декорацию к фильму ужасов лестнице оказалось гораздо проще – ко всему привыкаешь.

Я остановилась перед дверью Ручина, казавшейся неприступной громадой, и скорее по привычке, чем следуя необходимости, позвонила. Мне, разумеется, никто не открыл – ведь я своими глазами видела покидающего жилище хозяина. Осмотревшись, я не заметила ничего подозрительного – в подъезде тишина, на дверях соседних квартир «глазков» не было, чужих глаз можно не опасаться. И я спокойно выудила из сумки звенящую связку отмычек.

Замки только казались совершенством, поддающимся лишь взрыванию. А сдались очень быстро, и дверь, снова лязгнув, открылась. Я вообще-то в свое время немало потренировалась, чтобы достичь успехов в этом нелегком деле – вскрытии замков. Но зато теперь передо мной редко какой запор мог устоять.

Перешагнув через порог, я бесшумно прикрыла за собой входную дверь, опять скинула ботинки и направилась к двери, ведущей в комнату налево – предпочитаю делать обыск как бы по кругу, так меньше шансов что-либо упустить.

Комната, в которой я оказалась, была кабинетом и спальней. Два в одном, как говорят в рекламе шампуня. Огромная кровать с несвойственной ей скромностью притулилась к стене. Остальное пространство комнаты занимали массивный письменный стол и книжные полки, заставленные всевозможной технической литературой, томами по электронике и тому подобным бредом. На верхней полке шкафа валялось множество деталей, какие-то объективы, еще черт знает что. Я просмотрела содержимое верхнего стеллажа. Видеокамеры, разномастные, с потухшими объективами, выдавали с потрохами страсть хозяина дома – техника, электроника и ее ремонт.

Небрежно просмотрев всю эту ерунду, я перешла к письменному столу, напряженно, насколько это возможно, прислушиваясь к каждому звуку, раздававшемуся в подъезде. Еще не хватало быть застигнутой хозяином квартиры на месте преступления – без ордера обыскивающей жилище!

В ворохе бумаг не нашлось ничего полезного. Игорь Юрьевич Ручин относился к типу людей, которым жаль расставаться с бумагами, будь то записка девочки, оставшаяся из первого класса, или просроченное удостоверение. В столе Ручина

оказалась уйма документов, чертежей и тому подобного, но ничего из необходимого мне.

После этого я перевернула каждую книгу – ведь среди страничек увесистых томов можно спрятать любую бумагу. Общеизвестный факт. Но кроме закладок, календариков, датированных прошлыми годами, и огрызков газет, в библиотеке ничего обнаружено не было.

Закончив с обыском спальни, я перешла в зал, в ту комнату, где сидела во время визита к Игорю Юрьевичу. Здесь документы вообще не хранились: видимо, Ручин считал, что место бумаг – в кабинете. На изящных книжных полках – ряды второсортной литературы, почти новые на вид, а значит, вряд ли читанные больше одного раза произведения классики. Я пролистала и их тоже. Без толку. Таким образом, осмотр зала дал ровно столько же информации, сколько и спальни. То есть – ноль. Полный ноль!

В душе моей затеплилась надежда, что Ручин ни при чем и к исчезновению чертежей отношения не имеет – приятный он мужчина, черт возьми, мне бы не хотелось, чтобы такой мужчина оказался злоумышленником, преступником. А эти его проникновенные кофейные глаза... У меня вообще слабость к кофе.

Я осмотрела санузел, где обнаружила начатый флакон туалетной воды «Дабл-виски», запах которой мне безумно нравится, и перешла к обыску кухни. Хотя уже чувствовала – все напрасно. Даже если Ручин похитил документы, он не хранит их дома.

На белой поверхности раковины выделялись какие-то черные пятна, похожие на гарь или остатки пепла. Поставленные одна на другую, на краю стола шатко возвышались разномастные чашки. Рядом красовалась початая бутылка текилы, вместо крышки на которую был водружен символ русского пьянства – граненый стакан. В общем, не сказала бы, что кухня в идеальном состоянии. Но и противозаконного здесь ничего не было, что меня еле заметно порадовало.

На всякий случай я установила в квартире Ручина маленькие записывающие устройства, запись в которых включалась от звука голоса. Этих технических приамбасов хватало на час непрерывной беседы. Один миниатюрный магнитофон я поставила в кабинете, другой – в зале. Потом, на всякий случай, вставила «жучок» в телефон.

Документы Ручин мог выкрасть, только чтобы расплатиться с долгом. Значит, следует узнать, правда ли то, что он говорил о своем банковском счете. К такому выводу я пришла, закончив работу с квартирой этого своего подозреваемого. Пора было отсюда удаляться. Методично уничтожив все следы моего незаконного присутствия, я обулась и, соблюдая меры предосторожности, выскользнула на лестничную площадку. Закрыла дверь и совсем лихо – натренировалась уже пользоваться горкой-лестницей – спустилась к машине.

– Ну и что – ехать в банк? – усевшись за руль, пробормотала я. И закурила, сбросив пепел за окно. – Потребовать продемонстрировать мне счет Ручина? Тот они посмеются и отправят меня... В общем, туда, куда я вовсе и не собираюсь. Информация эта скорее всего конфиденциальна.

Неожиданно мне в голову пришла более умная мысль, и я так ей обрадовалась, что машина моя тронулась с места, оставив на асфальте часть покрышек.

У меня же есть знакомый хакер! Денис Копошилко, больше известный по кличке Дык – можно сказать, компьютерный гений. Ну, может быть, гений – чересчур сильно сказано, но специалист он точно отменный. Денис просто живет компьютером. Точнее, компьютерами – квартира Дыка напичкана всевозможной техникой. Он занимается заказами, связанными с виртуально-программным миром. И до недавнего времени обладал лишь одним другом – бассетом по кличке Эскейп. После того как Дык влип в страшноватое дельце, связанное с его работой, его тесный круг увеличился еще на одну единицу: к дуэту друзей присоединилась я, превратив его в трио. Странная компания – хакер, пес и частный детектив. Забавно! Дык побывал в роли моего любовника, но недолго, и отношения наши переросли в дружбу.

Я давно не заходила к Дыку, теперь решила восполнить сей недостаток. И отправилась в его квартиру, по дороге закупив пива.

Денис открыл не сразу – видимо, не мог никак вырваться из своего виртуального мира. Но все же минут через пять терзания мной кнопки звонка и одновременного истошного лая Эскейпа за дверью раздались шаги. И она распахнулась.

– Таня? – Удивление в светлых, близоруко-беззащитных глазах было безмерным.

Эскейп отреагировал на меня гораздо менее бурно. Даже, я бы сказала, не отреагировал вовсе. Он равнодушно мотнул хвостом и, быстро вбежав в техническую комнату Дыка, плюхнулся на свое привычное место – в кресло.

– Привет, – чмокнула я Дыка в щеку. – Я по делу, поможешь?

– Входи.

Лицо его стало спокойным и невозмутимым. Мне даже показалось, что и длинные волосы Дениса, раньше топорщившиеся, легли теперь гладкими прядями. «Дело – это да, дело – это интересно», мысленно посмеялась я над реакцией приятеля.

Дык поспешно освободил мне заваленное, как обычно, бумагами, дисками и черт знает чем еще второе кресло, сам плюхнулся в свое рабочее кресло перед компьютером и уставился на меня:

– Что надо?

Разговорчивые молодые люди эти компьютерщики! Ну да ладно.

– Мне надо узнать, состояние банковского счета Игоря Юрьевича Ручина. Какая сумма, когда поступила и все в том же духе.

Дык укоризненно посмотрел на меня, еле заметно поморщившись. В его близоруких серых глазах читалось: «Танечка, ну как ты можешь обращаться ко мне, гениальному хакеру, с такой ерундой!»

Но отступить я не собиралась. Если Дыку просто пробраться в сеть крупного банка и посмотреть счета, то для меня та же операция, но не связанная с компьютером, достаточно обременительна – на банковских служащих мое просроченное милицейское удостоверение не подействует, вызовет лишь презрение. Я чуть прищурилась, протянула руку и коснулась кончиками пальцев колени приятеля. Он снисходительно хмыкнул, крутанул к компьютеру, и руки его замелькали над клавиатурой, выбивая еле слышный ритм.

Я едва успела прикурить сигарету и сделать пару затяжек, как Дык скучным голосом произнес:

- Смотри, или тебе распечатать?

- Не надо. - Склонившись над его плечом, я вперилась в экран.

Ручин не лгал - его счет и в самом деле имел изрядную сумму денег, которая была готова к перечислению на счет Шолонского. Я попросила Дыка проверить еще и место, из которого деньги были перечислены. Но здесь тоже ни единой нестыковки - Ручин получил гонорар за доработку партии импортного оборудования, видеокамер. Причем с оборудованием он разобрался довольно давно, но фирма-заказчик некоторое время задерживала выплату.

Итак, Ручин как подозреваемый отпал.

Рассыпаться в благодарностях я не стала, тоже ограничилась двумя словами:

- Спасибо, Дык.

Улыбнулась и выставила на стол перед хакером две бутылки пива «Балтика», шестой номер, какое он любит. После чего решила удалиться с сознанием прекрасно выполненного долга. Дык, занятый своими делами, уже скучающе посматривал на меня - ему общество себе подобных вообще не нужно. И я подумала - не стоит отвлекать хакера от занятия более приятного, нежели общение с моей персоной.

Впрочем, уже по пути, выходя из квартиры, мы все же пообщались пару минут - у Дыка все идет по-прежнему, у меня тоже. Даже при всем моем цинизме я не могла просто встать и уйти, получив нужную информацию. Покинуть дом полезного человека, не выразив благодарности и элементарной вежливости, на мой взгляд, - верх неприличия. Но Дык начал посматривать на часы, исходя в тонком намеке.

Дык открыл передо мной дверь, буркнув задумчиво:

- Заходи.

Я простилась с ним не менее расплывчатой фразой:

– Звони.

После чего отправилась продолжать расследование. Вернее, пока к машине, на ходу подводя итоги.

Итак, Ручин не виноват. И все-таки что-то не давало мне покоя. Только что? Черт его знает. И потому, усевшись в машину, решила кинуть «кости». «Что делать дальше?» – спросила я. Но где-то в подсознании завис другой вопрос: «Почему мне не дает покоя Ручин? Что с ним не так?»

Додекаэдры и ответили соответственно – расплывчато: «36+20+11»: «Вы излишне заботитесь о мелочах, забывая о главном». Ну конечно. Еще бы знать, что в данном деле есть мелочи, а что главное.

Допустим, мелочи – скорее всего то, что не дает мне покоя в связи с Ручиным, а главное – Гурьянов или Маслова. Одна из этих двух кандидатур. Только вот дамочка отчего-то вызывала у меня больше недоверия, нежели бухгалтер. Вот и начнем с нее.

Я вставила ключ в замок зажигания и повернула. Мотор зачихал – я даже успела подумать, что, наверное, надо будет заехать на станцию, – потом задумчиво взревел. И я поехала к Людмиле Масловой, проживавшей на другом конце города в трехкомнатной квартире.

Глава 3

Другой конец города – определение расплывчатое. Маслова обитала в районе новостроек, становящемся в последнее время вторым центром города. Достаточно элитное это местечко, должна сказать. Атмосфера здесь за счет близости к лесу лучше, заводов поблизости почти нет. Высотные дома, росшие быстро, как грибы после дождя. Даже облака над ними на серебристой голубизне неба казались белее, чем в других районах.

«А Маслова неплохо устроилась», – произнесла я зачем-то вслух, паркуясь у дома номер пятнадцать по улице Луговой. Высотка сверкала свежеумытыми стеклами, в которых бликовало невесть откуда показавшееся холодное солнце. Единственный подъезд был украшен арочной дверью, стекло которой расцветило неприступную металлическую громаду витражными пестрыми бликами. На двери, естественно, красовался кодовый замок.

Я захлопнула дверцу в машине, щелкнула сигнализацией и подошла к входу в дом. Накрыла ладонью маленькие металлические клавиши кодовой преграды, придавила и посмотрела. Ага, вот и три самые запавшие. Простейший способ проникнуть в строение, отгороженное обычной кодовой дверью, между прочим. Когда-то давно, когда кодовые двери еще были редкостью, меня научили именно так открывать их. Такой номер иногда проходит только с определенным типом кодовых замков, клавиши на котором следует нажимать одновременно, а не последовательно. Но, к счастью, именно такие замки чаще всего ставят на подъездные двери.

Я втопила в замок вычисленные клавиши и усмехнулась – дверь распахнулась.

Мрачноватая, в белесых тонах камера, называемая лифтом, поднялась на нужный этаж – работает! – со скрежетом распахнула пасть и выплюнула частного детектива Татьяну Иванову в светлый, с огромными окнами и широкими, удобными для молодежных сборищ подоконниками холл. Я подошла к двери квартиры и решительно позвонила.

– Вам кого? – раздался в ответ высокий, чуточку пронзительный голос, тронутый холодком.

– Могу я поговорить с Людмилой Владимировной Масловой? – спокойно спросила я, опершись ладонью о косяк и задумчиво побарабанив по нему пальцами.

– А по какому вопросу? – изумился голос.

Я привычно попыталась представить себе его обладательницу. Мне казалось, что Маслова – высокая нескладная девица с выразительными выпуклостями коленей и непухлой гладью там, где должен быть бюст. Еще у нее должны быть экстремально короткие волосы, выкрашенные в черный цвет, тонкие губы куриной гузкой и аристократический нос с горбинкой.

– Мне нужно поговорить с вами о хищении чертежей из дома Шолонского, директора фирмы «Луч», – пространно ответила я, отвлекаясь от составления внешнего вида по голосу. – Я частный детектив.

– А документы у вас есть? – подозрительно осведомились из-за двери.

Выудив из сумки запаянную в пластик лицензию частного детектива, я невозмутимо поднесла ее к «глазку».

Наконец мне открыли, и я получила возможность лицезреть Людмилу Владимировну Маслову собственными глазами. Сказать, что я малость ошиблась, давая ей заочную характеристику, значит не сказать ничего. Людмила оказалась дамочкой моего возраста или чуть старше, невысокого роста, с татарским скуластеньким личиком. Белокожая, с длиннющими, выбеленными до цвета соломы, вызывающе-безжизненными волосами и челкой, скрывавшей нещадно выщипанные дуги черных бровей. Ее глаза, большие и темные, оттенка запорошенной пылью сливы, сверкали чувственным огнем. Пышный бюст жаждал вырваться из плотной хватки синтетически поблескивающей облегающей водолазки, а ноги отличались младенчески пухлыми коленками, от которых было довольно далеко до подола ярко-алой юбочки.

– Я Маслова, – мрачно произнесла женщина. – Я что, обязана общаться с частным детективом?

– Да, иначе у вас могут возникнуть проблемы с милицией, – чуть исказила я действительность. – Не волнуйтесь, я не задержу вас надолго – мне нужно задать вам лишь несколько вопросов.

– Ну заходите, – с деланой вежливостью буркнула Людмила, окинув мрачным взглядом мою стройную фигурку. В глазах ее полыхнула откровенная зависть, и я поняла – контакта не получится. Слишком эта дамочка любит мужчин, чтобы испытывать приязнь к собственному полу.

Я прошла в чересчур яркую, на мой взгляд, даже, я бы сказала, какую-то вызывающую прихожую и стянула ботинки, сопровождаемая пронзительным взором местной ведьмы Людмилы.

Глаза дамочки пробежались от моих хрупких лодыжек до края короткой юбки. Обычно я предпочитаю разъезжать по городу в джинсах и сапожках без каблуков – так всевозможные виражи судьбы, неожиданно заставляющие меня лезть невесть куда, становятся не слишком обременительными. Но сегодня обычная практичность забыла о моем скромном существовании, и я вышла из дома в элегантном классическом костюме и ботинках на изящных каблукках, с которыми едва не рассталась в подъезде Ручина. А мини-юбка смотрелась на мне гораздо более выигрышно, нежели на Масловой. Ноги хозяйки квартиры, слишком мясистые, искрились блестящими колготками странного цвета, отчего кожа казалась красноватой и даже воспаленной.

Не дожидаясь так и не последовавшего предложения раздеться, я сбросила с плеч куртку и изогнулась перед зеркалом, приводя в порядок прическу.

Людмила высокомерно взглянула на меня, наморщила неожиданно изящный для ее широкого лица, хотя и излишне вздернутый, носик и прошла в глубь квартиры, ожидая, что я последую за ней.

Надо отдать даме должное, Людмила с ее вертко-шалавистыми движениями и объемными формами была вовсе не страшненькой, хотя и не красавицей. И чувствовалась в ней сексапильность. Этакая грубоватая чувственность, аура самки. Но мне показалось особенно неприятным высокомерно-пренебрежительное и при этом насквозь пропитанное черной завистью отношение к моей персоне. Она, кажется, восприняла меня как угрозу своим интимным связям. Черт знает, правда, почему. Это четко читалось в ее взгляде драной кошки.

– Присаживайтесь, – предложила она.

Это слово заставило Маслову соскрести со дна души остатки приобретенной в начальной школе вежливости, как мне показалось. Но я тем не менее грациозно опустилась в кресло, окутанное аляповато-ярким, с багровыми розами, янтарно-желтыми одуванчиками и зелеными листочками пледом. Глаза-сливы ни на миг не выпускали меня из поля зрения. Впрочем, чужие взгляды, пусть даже пронзительные и ненавидящие по неясной причине, давно не тревожили меня.

– Людмила Владимировна, какие дела были между вами и господином Шолонским? – спросила я сдержанно.

Маслова озарила меня таким взглядом, будто я задала не вполне невинный вопрос, а осведомилась о том, в какой позе она занималась любовью с Глебом Денисовичем.

Передо мной сверкала полированная крышка журнального столика. Я задумчиво смотрела на нее, сосредоточив внимание на искрящейся в искусственном желтом свете тяжелой хрустальной пепельнице. И решала, поставить ли здесь «жучок», причем прямо сейчас, внаглую. А он будто рвался выскочить из кармана и, причмокнув, впиться жадной пастью в нижнюю сторону столешницы.

– Я помогла ему подписать договор на поставку новейшего оборудования для производства, – с кокетливой обидой в голосе произнесла Маслова, оторвав меня от раздумий.

– И вы с ним поругались, потому что Шолонский заплатил вам не тот гонорар, на который вы рассчитывали, – дополнила я, даже не придав сообщению вопросительной интонации.

Людмила прикусила губу, рассматривая меня и пытаясь понять, что же от нее требуется. Наконец до нее дошло, в ее собственной интерпретации, разумеется, и в сливовых глазах бешено-черными точками загорелась обида.

– Вы что, подозреваете меня? Что я украдала эти его бумажки, мстя за недоплату? Мне, между прочим, не привыкать получать меньше! – тоном оскорбленной невинности выпалила Маслова. – Все эти бизнесмены так и смотрят, на чем бы сэкономить.

Она опустила глаза, с немой яростью разглядывая свои пухлые розовые коленки, словно обвиняя их в недостаточной идеальности форм. А я решила. Наклонившись вперед, небрежно опустила локти на скрипнувшую гладь журнального столика. Ладонь моя, с зажатым в ней «жучком», задумчиво скользнула вниз, и подслушивающее устройство со щелчком, который я ощутила, не услышав, впилось в удобную поверхность.

– Успокойтесь, если бы я вас подозревала, то так бы и сказала, – хмыкнула я язвительно. – Но я просто прошу ответить на мои вопросы. С этим мы разобрались – вы привыкли к недоплатам и не слишком расстроились, когда гонорар оказался не слишком высоким. Расскажите, пожалуйста, подробно о том

вечере. Кстати, как вы попали на банкет к Шолонскому?

– Он меня пригласил! – высокомерно ответила женщина, со страшной силой взметнув свои соломенно-безжизненные волосы. Мне показалось, что они, подобно сухим листьям, зашелестели, падая на плечи.

После чего я выслушала туповато-пространный рассказ о вечеринке, о том, кто и куда выходил из комнаты. Но ничего полезного из него не почерпнула. Людмила чересчур увлекалась собственными характеристиками людей, не слишком умными и глубокими, зато переполненными ядом по отношению к другой присутствовавшей на банкете женщине и полными мечтательной похоти буквально ко всем бывшим там мужчинам. Слушать ее было скучно.

– Вы не знаете, кто куда отправился после вечеринки?

– Понятия не имею. Мы разъехались на такси, – усталым тоном, явно вещавшим что-то вроде: «Как же ты мне надоела, сыщица недоделанная!», пробубнила Людмила. – Лично я отправилась домой, – добавила она равнодушно.

Я не смогла придумать, о чем же еще спросить сию очаровательную даму, и сочла за лучшее удалиться. Маслова проводила меня с видимым облегчением на лице и ревнивой яростью в выпуклых больших глазах.

– До свидания, Людмила Владимировна, – застегнув сапожки, набросив куртку на плечи и подхватив сумку, вежливо попрощалась я.

– До свидания, – с натужной любезностью пробурчала Маслова, напоследок снова окинув меня ревнивым взглядом. Ее глубоко задевало существование в мире красивых женщин. Этим чувством лучилась ее кожа, полыхали глаза, кривились пухлые сочные губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/serova_marina/prestuplenie-v-dvuh-seriyah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)